

УДК 1:(091)

Г.И. Петрова

БЫЛИ ЛИ ДОСОКРАТИКИ НАТУРФИЛОСОФАМИ?

(«Вода» Фалеса как «трансцендентальная» проблема)

Предметом анализа является «архе» как «первоначало» мира, на которое указывали греческие натурфилософы в своих метафизических поисках предельных оснований мира. Автор делает заключение, что «вода», «воздух», «земля» и т.п., выражая природные стихии, не являются тем не менее природными элементами. В своём функциональном назначении они являют собой метафизические конструкции.

После работ, уже написанных на обозначенную тему и принадлежащих таким философам, как А.Ф. Лосев, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, М. Мамардашвили и др., вопрос, поставленный в названии статьи, казалось бы, уже получил ответ и не может быть столь актуальным. Между тем и сегодня даже на представительных (и не очень) философских форумах, дискуссиях, на процедурах защиты диссертаций нет-нет да и проскочит настойчиво и даже агрессивно мнение о современной философии, якобы приобретающей свою идентичность именно в натуралистическом облике. Можно было бы не обращать на это внимание, если бы в аргументации подобной неправды не было бы апелляции к самим грекам, к Милетской школе (Фалесу, Анаксимандру, Анаксимену) как школе категорично натурфилософской, полагающей якобы натурально-предметное видение мира.

Известно, что всякие историко-философские тексты существуют как результат сопричастности одновременно и истории, и современности. Именно поэтому они (в частности, фрагменты милетцев) не могут ответить на вопрос, что же они такое «сами по себе», каковы они «объективно», «на самом деле»? Они существуют в интерпретациях и понимании тех, кто их читает. В них обнаруживают себя не только Фалес или Анаксимандр, но и тот, кто сегодня увидел их «воду» или «апейрон». Греки нас обнаруживают через наши попытки обнаружения их. Они нас делают прозрачными, поверяют нас в нашем философствовании.

Мы говорим: они были натурфилософами, поскольку имели дело с такими первоначалами, как «вода», «земля» и т.п. Это утверждение явно допускает натурально-предметное видение древних. Хотя, если проявить внимание к контекстному употреблению «воды», можно свидетельствовать, что обнаруженные первыми философами первоначала лишь обозначались терминами природных стихий (хотя были среди них и «нус», и «апейрон» – явно не натурального происхождения), не являя собой действительную предметность. Что же такое «вода» Фалеса, если она – не чисто родниковая или экологически загрязнённая, если из неё – всё, и она – во всём, но в то же время она физически, зрительно или осязаемо не видима и не ощущаема? Откуда сама мысль о том, что «нечто есть всё», не будучи ни чем-то из «всего», ни совокупностью «всего» в отдельности. Концептуальный вопрос Ми-

летской школы, сложившейся в крупнейшем торгово-ремесленном и культурном центре Ионической части Греции, – «Что есть мир как всё?», или «Что есть мир как мир?» [1. С. 9–13]. Как может случиться подобный вопрос, если тот, кто его задаёт, сам принадлежит нутру этого мира, заключён в его границы?

Но он случился. Случился у философа, который вышел из мира, но обнаружил себя как иномирное существование и приобрёл в результате возможность рефлексии по его (мира) поводу. Взгляд со стороны – отделено, – то есть рефлексивный взгляд, – это прерогатива философа. И те, кто сегодня именуется натурфилософами Древней Греции, его уже приобрели. Одновременно с рефлексией они приобрели «умное» зрение – умозрение, которое позволило им «увидеть» странное и поразительное «архе», никак не вписывающееся в натуральный мир, вовсе не говорящее об обладателях этого взгляда как о натурфилософах.

А.Ф. Лосев, достаточно резко отзываясь о тех, кто хотел бы квалифицировать милетцев в плане их якобы приоритетного внимания к природно-предметному содержанию мира, писал: «Раз навсегда необходимо порвать с “научностью” таких систем, как ионийская. Здесь – первые полёты грандиозных эмпирических обобщений» [2. С. 105]. Взгляд «умный» действительно избыточен для того, чтобы видеть предметное содержание природы. Он не требуется, чтобы видеть воду в стакане как предназначенную для питья или ту речную, где можно охладиться в жару. Человек, обладающий этим взглядом, являл себя иноприродно, не в натуральном, физическом восприятии, но в метафизическом плане. Именно такой взгляд наличествует у Фалеса, и он свидетельствует о нём вовсе не как о натуралисте или человеке, испытывающем жажду. Он говорит о нём как о философе, увидевшем в воде «архе», то есть «начало и конец Вселенной» [1. С. 109]. В «мире мнений», то есть в эмпирическом, предметном мире, усмотрение «универсального», «всего» могло бы казаться безумием или праздным домыслом. Не случайно так смеялась фракиянка, увидев, что Фалес, заглядевшись на небо, то есть в мир бытия Истины и «архе», упал в колодезь. Нельзя в материальной субстанции воды увидеть «архе» глазами любопытствующего естествоиспытателя.

Важно понять, что так называемая натурфилософия милетцев уже была философией сознания, Логоса – «чистого Разума», – ибо через указание на универсалии она уже начинала традицию трансцендентализма. Трансцендентализм был представлен лишь в принципе, но уже как техническая заявка. И это был интеллигибельный принцип, и первая форма философии – так называемая натурфилософия – уже была интеллигибельной формой. В истории в намеченной перспективе ей предстояло приобретать всё новые рефлексивные практики и специфически философский категориальный аппарат, предназначенные для обозначения неопределиваемых границ-пределов, не-натурально-материальных и не-предметных.

«Вода», «воздух», «земля» – это не природные элементы, но метафизический принцип предела, через который только и открывалось бытие. «Предел», «первоначало», «архе» не являли собой ни предметную натуральность, ни чистую внепредметную мысль. Они – точка их пересечения, где завязывалось и открывалось бытие. Пармениду удалось испытать онтологический

миг лишь потому, что он смог обнаружить себя в этой точке пересечения, зафиксировать её и, испытав от собственного открытия восторг, сказать: «одно и то же – быть и мыслить».

Натура, то есть природа, в философии обнаруживается как мир, который есть одновременно бытие и мышление. У древних она оказывалась не прерогативой «научных» форм познания, она располагалась «над» ними, являла себя не в физике, но в метафизике. Как выражение времени начала философии, только-только ещё категориально оформляющейся, древнегреческие научные картины мира кажутся наивными. Но это была «умная» наивность, интеллигентная «нелепость». То и другое закладывали стратегические основы «умного» зрения философии – узревания того, чего нет в физике. Они выводили в меон – в «бытие» как «не-это-сущее». До «умного» субъекта Канта было ещё далеко. Ему надо было ещё вырасти. Но без «воды» Фалеса он бы не появился. Если эта «вода» не имела и не имеет значения в смысле H_2O , то ведь Фалес и не пытался выстроить о воде какое-то естественнонаучное представление. Но предложенной техникой усмотрения «воды» как «предела», субстанции, метафизического основания всего сущего он первым стал возвращать субъекта, узнавать и познавать бытие. Он не открывал картину природы, он открывал бытие. Древнегреческое «архе» не имело сверхзадачей познать законы природы, не давало физического знания о ней и не высказывало специфику научного знания. Оно заявляло о философии.

Итак, уже в милетском вопросе об «архе», в его постоянных поисках, выражавшихся в желании найти то, что как предметная реальность не существует, сказалось истинно философское настроение: «Я знаю, что я ничего не знаю». Не знаю, ибо то, что существует откровенно, что я вижу и ощущаю, не есть истина. Философия, таким образом, существует благодаря невежеству: она отказывает – вот уж где сумасбродство и безумие – миру в его истине, законченности и полноте, несмотря на очевидность его природной видимости, вещественности и предметности. «Философское невежество» вносит постоянное сомнение, не позволяет что-либо категорично утверждать, точит и беспокоит. Оно вызывает постоянное желание знать – узреть, схватить полноту бытия – и одновременно свидетельствует о бессилии это сделать. Философия есть только там и тогда, где и когда утверждается о том, чего не достаёт, что не поддаётся быть предметно схваченным.

Всё сказанное достаточно известно. И если бы сегодня не ссылались на греков, когда пытаются протащить в философию натурально-предметное видение, не свойственное ей ни по техникам работы, ни по способу мышления, ни по духу и принципам, то, кажется, уже и не стоило бы вспоминать особый характер досократической натурфилософии. Чаще всего подобного рода ссылки делаются ради того, чтобы утвердить в качестве современной всеобщей методологии какую-либо научную дисциплину. Ранее таковой была физика, сегодня предлагается синергетика. И если находится тот, кто этой идее противится, на него обрушиваются спекуляции, в общем-то, запрещённые в научных спорах. Так, современные сторонники синергетики выдвигают утверждение о том, что эта наука является методологией построения современной картины мира, поскольку ориентирована на поиски общих для всех наук закономерностей. Далее, якобы не замечая несоответствия тезиса и

следующего из него вывода, утверждают, что она, следовательно, и есть всеобщая методология, а как таковая методологически обосновывает и философию тоже. В данном утверждении тезис о «методологии всех наук» подменяется тезисом о «всеобщей методологии».

Синергетика в своей, то есть научной, области, конечно, имеет специфику, объединяя, сцепляя и переплетая все науки, отыскивая на их стыках и в возникающих общих зонах общие для всех их закономерности. Но общими они являются только для наук. Зачем говорить о «всеобщей методологии» и распространять их на философию тоже? Но спекуляция – несправедливая и неправдивая – состоит даже не в этом, поскольку подобные рассуждения можно как аргументировать, так и оспаривать. Спекуляция в том, что тех, кто ограничивает власть синергетики научной (и только научной) сферой и кто не хотел бы верить её претензиям быть методологической базой философии, – всех их обвиняют в том, что они отказывают синергетике в праве на существование. Говорят: как раньше отрицали генетику и кибернетику, так сегодня вы хотели бы отрицать синергетику. Именно здесь – спекуляция и несправедливость.

Синергетика – наука признанная, одна из ведущих в современной научной системе. И располагается она в одном ряду с кибернетикой, системотехникой, информатикой, бионикой, молекулярной биологией и т.д. и т.п. Она находит себе место в ряду тех дисциплин, которые, формируясь на стыках различных наук и объединяя их, имеют своим предметом междисциплинарные связи и закономерности. На базе этих новых наук появляются новые же базовые технологии. Их сегодня определяют как Hi-Tech и Hi-Hume, они включают в себя информационные технологии, нанотехнологии, биотехнологии и социотехнические системы [см. 3]. Синергетику глупо было бы отрицать. Критике подвергается не она, но адепты, распространяющие её претензии за пределы научной сферы – в сферу философии.

Философия – не наука. Она не была наукой и не обладала научными техниками видения мира уже и тогда, когда зарождалась и когда, не предчувствуя будущих спекуляций, мирилась с определениями себя в качестве натурфилософии. Сегодня, однако, это обернулось и против того первоначального этапа философии, и против этапа современного: философия подменяется научной синергетической идеологией. Можно обернуть логику, которая использовалась в защиту синергетики и которая позволила отождествить сопротивление её претензиям с гонениями на неё, и сказать, что адепты синергетики хотят устранить философию в качестве самостоятельной и специфической сферы знания (как это «раньше было с генетикой, кибернетикой...»).

А между тем философия всегда обладала и обладает сегодня своими способами видения мира, его становления во всеобщих связях и формирования общих законов развития различных сфер бытия. Её отличие от науки, в том числе от синергетики, заключается в том, что она использует не материально-предметную, но трансцендентальную призму смотрения, не говорит конкретно, «что» происходит с химией или физикой в их междисциплинарном сцеплении (например, с молекулярной биологией), но пытается ответить на вопрос, «как» можно мир помыслить, как происходит само это сцепление, почему оно стало возможно.

Какие возможности для ответа на подобный вопрос имеет философия?

Об этих возможностях в Древней Греции и заявляло «архе» – понятие, не выражающее предметно-материальную взаимосвязь «силовых полей», квантов и других микрочастиц или макропроцессов, не соединяющее всё сущее в арифметическую сумму, но сцепляющее его в бытие, то есть концептуально конструирующее эту взаимосвязь из точки пересечения вещественного сущего и человеческой рефлексивной мысли.

Более двух с половиной тысячелетий назад философия, зарождающаяся как, казалось бы, натурфилософия, не удовлетворялась, однако, очевидностью того, что предметно наполняло парменидовское «всё есть». Игнорируя подкупающую наглядность космоса, она спрашивала о том, чего нет, – о первоначале. В учении о первоначале выплеснулась подлинно философская, не знакомая ни мифу, ни религии, ни науке страсть по миру, по обретению своего (именно философского) места в мире. Страсть эта в разные исторические эпохи выражала себя различными философскими способами, приёмами, техниками поиска того, из чего – всё, того, что есть мир в своём пределе. Философия искала «умные» формы всего. Такое направление поисков всегда, даже в те периоды, когда она категориально допускала натуральное, природное оформление, являлось только её прерогативой.

Литература

1. *Фрагменты* ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989.
2. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
3. *Жукова Е.А.* Hi-Tech: феномен, функции, формы. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007.